

О.Ю. Васильева

Митрополит Сергей (Страгородский): штрихи к портрету

Оценка жизни и деятельности митрополита Сергея (Страгородского) является одним из самых спорных и трудных вопросов церковной истории. Пожалуй, ни о ком не написано больше. Количество авторских листов иностранного происхождения в десятки раз превышает отечественные. Можно встретить особые термины: *сергианство, сергианская линия, сергианцы*, которыми награждались и награждаются сторонники митрополита. Обсуждали и обсуждают, в основном, три момента: "Декларацию 1927 года", пресс-конференцию 1930 года и каноничность главенства митрополита в Церкви. Утверждение авторских выводов идет в одном направлении: принимается все, что указывает на отношения иерарха с властью, и отмечается все, что объясняет причины этих контактов. Предъявляются необоснованные обвинения, формируется далекое от объективности мнение, ставится под сомнение позиция, которую занимала Церковь в конце 20-х, в тридцатые и в начале 40-х годов. Упрощенно и схематично толкуется личность самого иерарха, чья судьба неразрывно связана с труднейшим периодом в истории страны и Церкви. И вряд ли кому из Первосвятителей, чей тяжкий жребий служения пришелся на долгие годы строительства новой жизни, выпала доля митрополита, а с осени 1943 года и Патриарха Сергея...

Будущий Первосвятитель (Иван Николаевич Страгородский) родился в семье священника Алексиевского женского монастыря в городе Арзамасе 2 января 1867 года. Быстро пролетели годы в Арзамасском Духовном училище, затем в Нижегородской семинарии, которую пылкий юноша окончил по первому разряду. За время учебы в Петербургской Духовной академии Иван Страгородский проявил себя как вдумчивый исследователь, его семестровые работы удивляли широтой мышления.

30 января 1890 года, в день памяти трех Святителей, юноша был пострижен в монашество с именем Сергей в честь преподобного Сергия Валаамского. В этом же году он закончил Академию со степенью кандидата богословия за сочинение "Православное учение о вере и добрых делах". В работе была предпринята попытка через полемику с католическим учением о "сверхдолжных" заслугах святых и протестантским об оправдании только верой изложить православное учение о Спасении, основанное на святоотеческой традиции. Этой же теме будущий митрополит посвятил и свою магистерскую диссертацию, защищенную им в 1896 году и выдвинувшую молодого магистра в ряд видных православных богословов своего времени.

Но это будет позже. А пока, осенью 1890 года, иеромонах Сергей приезжает в Токио и становится одним из ближайших помощников архиепископа Николая (Касаткина), оказавшего в свое время такое сильное влияние на будущего главу Зарубежной церкви митрополита Антония (Храповицкого).

За несколько месяцев иеромонах Сергей освоил японский язык, что позволило архиепископу Николаю сначала направить его в Киото, а затем в Токио для преподавания догматического богословия в Семинарии.

Зиму 1891/92 годов отец Сергей провел на русском крейсере "Память Азова" вместо заболевшего судового священника.

Указ о переводе в Россию пришел в 1893 году. Сначала в Петербург, а потом в Московскую Духовную академию на должность инспектора. Именно здесь происходит сближение с архимандритом Антонием (Храповицким), ректором МДА, известным богословом и просветителем. По его настоянию отец Сергей переработал курсовое сочинение в магистерскую диссертацию, которая публиковалась в академическом "Богословском вестнике", а позже вышла отдельной книгой.

С 1894 по 1896 год иеромонах Сергей служил в Афинах, куда был назначен настоятелем русской посольской церкви. Там же он был возведен в сан архимандрита. Затем вновь следует направление в Японию, где архимандрит Сергей служит до 1899 года. В январе 1901 года Указом Святейшего Синода будущий митрополит назначен ректором Санкт-Петербургской академии, а 25 февраля того же года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялась его хиротония во епископа Ямбургского, третьего викария Санкт-Петербургской епархии. При своем наречении молодой епископ произнес речь, которую можно рассматривать как своеобразную перспективу всего его последующего служения. Есть там и такие слова: "Быть же пастырем - значит жить не своею особой жизнью, жить жизнью паствы, болеть ее болезнью, нести ее немощи с единственной целью: послужить ее спасению, умереть, чтобы она была жива. Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своем *душу свою полагает за овцы*, отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада" [1].

Ни сам епископ и никто из присутствующих не могли предположить, насколько пророческими оказались эти слова. Шесть лет деятельности епископа в СПбДА заполнены административной и научной работой. В 1902 и 1905 годах вышли его статьи: "Что нас разделяет со старокатоликами" и "К вопросу о том, что нас разделяет со

старокатоликами". Их написание было связано с деятельностью епископа Сергия в Комиссии при Святейшем Синоде по старокатолическому и англиканскому вопросу.

Статьи представляли интерес в первую очередь с точки зрения раскрытия в них православного учения о Церкви.

Бурная церковно-общественная жизнь начала века не оставила в стороне епископа. Он состоял в различных просветительских и благотворительных обществах. Особо выделяется его участие в "Религиозно-философских собраниях" (1901-1903 годов). Под председательством епископа Сергия в них участвовали публицисты и литераторы, профессора Академии и духовенство. Эти собрания очень способствовали сближению светской интеллигенции с Русской Православной Церковью.

6 октября 1905 года следует назначение епископа на самостоятельную Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа. На этом поприще вновь проявились его миссионерские качества. Он созывает епархиальные съезды, при Выборгском соборе организует Православную миссию, создает братство святого Георгия Победоносца. Все это укрепляет Православие среди беломорских карел. В 1911 году архиепископ Сергей становится членом Святейшего Синода, где в разное время руководит важными синодальными учреждениями: Председатель Особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии, Председатель Совещания по исправлению церковно-богослужбных книг. В 1912 году следует его назначение Председателем Предсоборного Совещания, а в 1913 году архиепископ Сергей возглавил Учебный комитет.

Февраль 1917 года окончательно нарушил плавное течение его служения. Временное Правительство в апреле распустило прежний состав Синода. Единственным оставшимся членом из бывших оказался архиепископ Сергей. Посыпались первые упреки в отсутствии солидарности со стороны отдельных архиереев. Реакция архиепископа была очень спокойной. Он считал, что в начавшийся период потрясений для Русской Церкви следует служить ей всем своим опытом, знаниями и энергией. Уже 29 апреля 1917 года архиепископ Сергей подписал "Послание Святейшего Синода к Церкви о мероприятиях в связи с предстоящим созывом Всероссийского Поместного Собора", а в дальнейшем участвовал в его непосредственной подготовке.

Голосами клириков и мирян архиепископ Сергей был избран на Владимирскую кафедру. Синодальный указ о его назначении архиепископом Владимирским и Шуйским последовал 10 августа 1917 года.

Владимирская епархия была не только одной из древнейших в Русской Церкви, но и одной из обширнейших по территории, с такими большими промышленными городами, как Владимир, Иваново-Вознесенск, Шуя, Ковров, Александров и другие. Эту кафедру архиепископ возглавлял 5 лет, разделив епархию на пять митрополичьих округов и пять викариатств для более успешного управления ею.

В работе Поместного Собора 1917-1918 годов архиепископ Сергей принял самое деятельное участие, руководя работой отдела "Церковный суд" в качестве его Председателя. 28 ноября 1917 года он был возведен в сан митрополита, а чуть позже состоялось его избрание членом Священного Синода.

На его пути, таком ровном и спокойном, первое испытание искушением пришло в июне 1922 года, когда был обнародован "Меморандум трех" - заявление маститых иерархов - митрополита Владимирского Сергия, архиепископа Нижегородского Евдокима (Мещерского) и архиепископа костромского Серафима (Мещерякова), признавших обновленческое Высшее Церковное Управление (ВЦУ) канонической законной властью. Позже авторы документа объясняли его создание как единственную возможность встать во главе обновленческого движения и вернуть его в патриаршее русло.

23 октября 1922 года митрополит Сергей (Страгородский) заявил о прекращении церковного общения с деятелями "новой демократической церкви" и покинул созданное ими Высшее Церковное Управление. Позже, в августе 1923 года он принес покаяние перед Патриархом Тихоном и активно включился в работу по возможности созыва Поместного Собора Русской Православной Церкви для решения вопросов церковной жизни при новой власти. Вместо оставшегося в обновленчестве архиепископа Евдокима митрополит Сергей получил назначение на Нижегородскую кафедру. Пастырскую любовь Патриарха Тихона он будет помнить всегда. При погребении Святейшего митрополита Сергей в своей короткой речи отметил особенную доброту Святителя и его снисхождение к ближним.

После смерти Патриарха начался долгий этап противостояния двух ветвей Русской Православной Церкви - Русской и Зарубежной. Все самые острые моменты этого процесса пришлось на годы служения митрополита Сергия. Зарубежные архиереи не согласились с подлинностью Завещания Патриарха. Сразу же после его обнародования посыпались упреки в адрес митрополита Петра (Полянского), которого оппоненты и прошлые, и нынешние упрекали в давлении на Святейшего, умалчивая до сегодняшнего дня тот факт, что митрополит Петр был арестован в декабре 1925 года именно за отказ от предложенных властью условий легализации.

14 декабря 1925 года владыка Сергей сообщил из Нижнего Новгорода викарию Московской епархии епископу Клинскому Гавриилу (Красновскому) о своем вступлении в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя и просил известить об этом всех архиереев в Москве. (Чуть позже и до 1936 года митрополит Сергей стал называть себя "Заместителем Патриаршего Местоблюстителя").

Первые дни вступления в права и обязанности митрополита Сергея в декабре 1925 года омрачились угрозой нового раскола.

Десять епископов, оставшихся в Москве в Донском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) на своем совещании высказали недовольство по поводу единоличного управления Церковью митрополитом Петром, который якобы не хотел созывать Собор, и образовали Временный Высший Церковный Совет под председательством архиепископа Григория.

Большевистская власть поддержала "григорианский" ВВЦС, который очень скоро получил право на легализацию. Ослабление Церкви путем создания параллельного Местоблюстителю и его Заместителю церковного центра неизбежно привело бы к нарушению единства.

14 января 1926 года митрополит Сергей в своем письме на имя архиепископа Григория выступил с протестом против самочинного ВВЦС. В ответном письме его Председатель пригласил митрополита Сергея не только войти во Временный Совет, но и даже возглавить его. Последовал резкий отказ и запрет на служение архиепископа Григория и его сторонников.

Григориане не сдавались. Им удалось посетить митрополита Петра во внутренней тюрьме Лубянки (при содействии власти) и убедить его в том, что митрополит Сергей не может управлять Церковью, так как находится в Нижнем без права выезда. При этом от Местоблюстителя митрополита Петра было скрыто то обстоятельство, что Временный Высший Церковный Совет был образован, когда участники совещания в Донском монастыре уже знали о назначении Заместителя Местоблюстителя. Итогом встречи с митрополитом Петром стала резолюция о временной передаче Высшей Церковной власти коллегии из трех архиереев: архиепископов Владимирского Николая (Добронравова), Томского Димитрия (Беликова) и Екатеринбургского (Яцковского). При этом григориане умолчали о том, что архиепископы Димитрий и Николай, находясь в ссылке, не могут выехать в Москву. Резолюцию члены Временного Высшего Церковного Совета рассматривали как передачу церковной власти архиепископу Григорию.

Митрополит Сергей отказался подчиниться этой резолюции, указав на неосведомленность Местоблюстителя об истинном состоянии церковных дел. Он вступает в переписку с митрополитом Петром, его позицию поддерживают многие архиереи. И 22 апреля 1926 года в письме митрополиту Сергию Местоблюститель объявляет об упразднении Временного Высшего Церковного Совета и подтверждает ранее сделанное назначение Заместителя Местоблюстителя. (Григориане не подчинились воле возглавителя Церкви, сохранили свою организацию, которая просуществовала еще около десяти лет, не получив поддержки у клира и мирян и не оказывая влияния на церковную жизнь. Архиепископ Григорий до своей кончины в 1932 году руководил несколькими общинами на Урале, малочисленные григорианские общины имелись также в сибирских и поволжских епархиях. Последние из них принесли покаяние митрополиту Сергию в 1943 году).

Весна 1926 года принесла также обострение вопроса о преемственности канонической власти. Из ссылки вернулся митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский), названный в "Завещании" Патриарха Тихона вторым кандидатом на Местоблюстительство.

Владыка Агафангел (Александр Лаврентьевич Преображенский) родился 27 сентября 1854 года в Тульской губернии. Учился в Тульской семинарии, после которой в 1877 году поступил в Московскую Духовную академию. После ее окончания был преподавателем Раненбургского духовного училища, а по принятии монашества в марте 1885 года стал инспектором Томской Духовной семинарии. (Незадолго до пострига он потерял жену и сына).

10 сентября 1889 года хиротонисан в сан епископа викарного, через четыре года был назначен Тобольским епархиальным архиереем и последовательно занимал Рижскую, Литовскую и Ярославскую кафедры в сане архиепископа. Был членом Поместного Собора 1917-1918 годов; 11 декабря 1918 года возведен в сан митрополита. После ареста Святейшего Патриарха Владыка должен был вступить в управление Церковью, но не смог даже выехать из Ярославля и был заключен под домашний арест. (Власть дала возможность обновленцам завладеть Патриаршей канцелярией). 22 августа 1922 года митрополит Агафангел был переведен из Спасского монастыря, где он содержался, в одиночную камеру городской тюрьмы, а через месяц Владыку доставили во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

25 ноября того же года он был приговорен к трем годам ссылки в Надымский край (Томской губернии), куда 68-летнего митрополита отправили по этапу, пересылая его вместе с уголовниками из тюрьмы в тюрьму. Весной 1926 года закончился срок ссылки, но вместо возвращения домой митрополит был задержан в тюрьме города Перми, куда для встречи с ним прибыл Евгений Тучков [2]. Он уговаривал Владыку взять на себя полноту церковной власти, используя свое старшинство и назначение Патриарха Тихона. Власть руками Е. Тучкова хотела разжечь борьбу за управление Церковью между митрополитами Сергием и Агафангелом и умножить тем самым количество расколов.

Результатом нажима стало "Послание к Церкви", написанное владыкой Агафангелом 18 апреля 1926 года в Перми, в котором он известил верующих о своем вступлении в должность Местоблюстителя Патриаршего Престола, ссылаясь на Завещание Патриарха Тихона. В начавшейся переписке между митрополитом Сергием и новым претендентом на высшую церковную власть (от 30 апреля, 16 мая, 23 мая) поднимались самые острые вопросы. И митрополиту Сергию удалось объяснить митрополиту Агафангелу, что в распоряжении Патриарха Тихона нет ни слова о том, что Местоблюститель Петр принял власть временно, до возвращения старейших кандидатов. Приняв власть законно, он может быть лишенным ее только на законных основаниях, то есть в случае добровольного отхода или по суду архиереев. Не соглашаясь с митрополитом Сергием внутренне, владыка Агафангел ради церковного мира отказался от своих прав, уведомив об этом Сергия телеграммой в июле 1926 года.

Разрешив очередной конфликт, владыка Сергей должен был решить самую важную задачу: легализовать церковную жизнь в большевистской России. После кончины Святейшего Патриарха прекратил существование учрежденный им Временный Патриарший Синод. Для создания новых организационных структур и признания их полномочий требовались контакты с богоборческой властью, на которые незадолго до смерти пошел святитель Тихон, указав своим преемникам единственный путь существования Церкви в новых условиях. Оппоненты до сегодняшнего дня не признают того, что политика преемников Патриарха была продолжением и развитием основы, заложенной Святителем. Они по-прежнему настаивают на том, что до "Декларации 1927 года", речь о которой пойдет ниже, русский епископат был против легализации. Она, бесспорно, была нужна для нормальной внутрицерковной жизни. Не созывались Соборы, не работал Синод. Церковь физически была обескровлена - через Соловки к 1930 году прошел почти весь епископат; жизнь в приходах угасала. Но условия легализации богоборческой власти не приняли ни митрополит Петр (1925 год), ни митрополит Сергей в 1926 году. И величайшая роль в разрешении этой проблемы - отношения Церкви с властью - принадлежит соловецким узникам.

Соловецкий монастырь в истории России неоднократно оказывался духовным центром, определявшим церковную жизнь в России. В XX столетии ему суждено было стать самым известным в стране концлагерем.

Процесс ликвидации монастыря шел постепенно с 1920 года до весны 1923 года. Первым мероприятием в этом направлении можно считать действия Архангельского губревкома (с 29 апреля по 1 мая 1920 года) по изъятию продовольственных излишков, ценностей, денег и оружия.

Земли Соловецкого архипелага советская власть передала организованному летом 1920 года совхозу "Соловки" с подчинением Народному комиссариату земледелия. Тогда же были закрыты все храмы на архипелаге, кроме Онуфриевской церкви. Часть монахов работала в совхозе. Но при этом монастырь во всех советских документах продолжал оставаться действующим.

Постановлением Архангельского губисполкома от 21 июля 1923 года были ликвидированы все церкви Соловецкого монастыря, а его имущество передавалось Управлению северными лагерями. Монахов оставили на острове для "передачи" дел новым хозяевам. Примерно 60 человек из монахов продолжали работать либо своими артелями, либо в бригадах лагерного производства в качестве "заведующих" многочисленными монастырскими предприятиями: литейным и керамическим заводами, мельницей, рыбным промыслом. Игумен, уставщик и все схимники числились на иждивении работающих. Братия жила в северном дворике соловецкого кремля около Сельданных ворот, имела отдельный вход и право свободного перемещения по острову. Для богослужения монахам оставлена была кладбищенская церковь Преподобного Онуфрия, закрытая властью только в 1932 году, когда с Соловков были вывезены последние монахи (некоторые из них, 2-3 человека, оставались на островах до 1937 года).

Служба в Онуфриевской церкви совершалась ежедневно. Кроме монахов, храм разрешалось посещать духовенству и мирянам, осужденным по церковным делам. Другие категории заключенных строго преследовались за посещение храма.

До 1929 года духовенство ходило в рясах и с длинными волосами. Все заключенные епископы и клирики жили отдельно, занимая в Кремле помещение местной сторожевой роты; ее название произошло от самой распространенной среди духовенства работы - сторож или каптер.

Важно отметить тот факт, что в других лагерях осужденные священнослужители использовались на общих работах, исключая только престарелых, которых определяли в инвалидные роты. Ни в одном лагере также не разрешалась церковная служба, жестоко преследовались любые формы богослужения.

Говоря о положении осужденного духовенства в 1925-1929 годы, следует в первую очередь отметить, что они сменили другую группу привилегированных соловецких заключенных - "политиков" (эсеры, меньшевики, анархисты), находившихся на Соловках на особом режиме в 1923-1925 годах. Это была единственная категория заключенных, в то время официально признанных политическими и пользовавшихся особыми привилегиями: они не работали, жили вместе и имели свой орган управления (старостат).

Первые осужденные по делам о противодействии изъятию церковных ценностей священники прибыли на Соловки из Ростова-на-Дону и Новочеркасска в 1923 году, следующая большая группа осужденных - из Петрограда, годом позже.

Позднее состав заключенных священнослужителей пополнялся осужденными за "нарушение декрета об отделении церкви от государства", странствующими монахами и монахинями из разоренных и закрытых властью монастырей.

С 1928 года начали прибывать "непоминающие" (священники, не поминающие митрополита Сергия и государственную власть). Об этом будет сказано позже.

Самым спорным и по сей день является вопрос о численности духовенства на Соловках, которая колеблется от 120 до 500. Первую цифру можно прочесть в докладе Управления Соловецких лагерей за 1926-27 год, а вторая появилась в рижской газете "Сегодня" в 1931 году.

С изменением статуса подчинения лагеря менялся и его внутренний режим, ужесточались условия содержания. Образованный Постановлением СНК от 13 октября 1923 года как Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (СЛОН ОГПУ), с 1937 года он стал Соловецкой тюрьмой особого назначения.

Важнейшим моментом церковной жизни середины 20-х годов было его духовное влияние на всю церковную политику. К 1926 году на Соловках находилось 29 православных иерархов. Их деятельность была объединена в самостоятельный церковный орган, известный как "Собор соловецких епископов". Правящими епископами на Соловках последовательно избирались: архиепископ Приамурский и Благовещенский Евгений (Зернов), архиепископ Иларион (Троицкий), викарий Московский, архиепископ Воронежский Петр (Зверев). Судьба каждого из них - судьбы мучеников, жизнь свою положивших за Христа.

Владыка Евгений (Зернов Семен Алексеевич) родился 18 января 1877 года в Московской губернии в семье диакона. После обучения в Московской семинарии в 1898 году поступил в Московскую Духовную академию. Два года спустя принял монашеский постриг. После окончания Академии с 1904 года служил инспектором Черниговской Духовной семинарии, с 1906 года стал ректором Семинарии в Иркутске. В 1913 году хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии, а с 1914 года - епископ Приамурский и Благовещенский. Член Поместного Собора 1917-1918 годов. Арестован 27 августа 1923 года после всенощной накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы. Находился в заключении в Благовещенской тюрьме.

На Соловки попал в начале 1924 года. Оставался старшим среди епископов по их общему согласию и после того, как сюда прибыли и более старшие по рукоположению. На Соловках владыка Евгений пробыл три года (1924-1926), а затем был сослан еще на три года в Зырянский край (Коми). После освобождения с ограничением жительства сначала жил в городе Котельниче Нижегородского края. С 1930 года начал вновь служить сначала в Вятской епархии, потом в Горьковской, где был возведен в сан митрополита в мае 1934 года. Там же в Горьком был арестован осенью 1935 года и осужден по обвинению в "антисоветской агитации". Приговорен к трем годам лишения свободы, находился в Карагандинском лагере. В сентябре 1937 года осужден тройкой при УНКВД СССР по Карагандинской области и приговорен к расстрелу. Казнен 20 сентября 1937 года. Место захоронения неизвестно.

Как пастырь был очень любим своими прихожанами, богослужение его отличалось величием, покоем. Был постник, несмотря ни на какие условия лагерной жизни. Высокообразованный богослов, он был житейски глубоко мудр и спокоен. Пастырям делал замечания наедине в мягкой форме. Во всем его облике чувствовалась притягательная духовная сила.

Второй выдающийся соловчанин - архиепископ Иларион (Владимир Алексеевич Троицкий), ныне почитаемый как священикомученик и особо чтимый в Московской и Санкт-Петербургской епархиях. Он был одним из талантливейших образованных деятелей Русской Церкви, богословом-мыслителем и церковным писателем. Родился 13 сентября 1886 года в Тульской губернии в семье священника. После Тульской семинарии в 1906 году

поступил в Московскую Духовную академию и окончил ее в 1910 году лучшим по успеваемости студентом за последние 50 лет существования Академии. Сразу же стал профессором-стипендиатом МДА. В декабре 1912 года блестяще защитил диссертацию на тему: "Очерки из истории догмата о Церкви", признанную выдающимся богословским трудом. В марте 1913 года принял постриг, и с этого времени по 1917 год его жизнь тесно связана с Московской Духовной академией: инспектор, профессор, исполняющий обязанности ректора. Член Поместного Собора. Первый раз был арестован в Москве в 1919 году, находился в Бутырке четыре месяца. В 1920 году в мае хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. Хиротонию возглавлял сам святитель Тихон.

Второй раз арестован в 1921 году, содержался три месяца во внутренней тюрьме на Лубянке. После третьего ареста в 1922 году был выслан в Архангельск на год. По возвращении в июле 1923 года возведен в сан архиепископа Святейшим Патриархом. Осенью 1923 года был арестован в четвертый раз и отправлен сначала в Кемский лагерь, затем на Соловки. Он остался в памяти всех красавцем большого роста, с пышными русыми волосами. Все, кто его знал, являлись свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой простоты, подлинного смирения. Он отдавал все, что имел, все, что просили. Любовь к людям, внимание и интерес к каждому были поразительны. Владыка Иларион был самой популярной личностью в лагере среди всех его обитателей. Его знали уголовники именно как "хорошего человека", которого нельзя не любить. Но за этой заурядной формой веселости и светскости можно было увидеть великую духовную опытность, доброту и милосердие, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство. Известно, что за твердость в делах веры и преданность Церкви его именовали в церковных кругах *Иларионом Великим*. В конце лета 1925 года архиепископа Илариона неожиданно отправили в Ярославскую тюрьму, где вездесущий Тучков склонял его к сотрудничеству с ГПУ. За свой резкий отказ даже разговаривать на эту тему Владыка получил дополнительный срок и был возвращен обратно на Соловки. 19 декабря 1926 года осужден ОСО при Коллегии ОГПУ СССР по обвинению в "разглашении государственной тайны" (рассказал соловчанам о попытке своей вербовки Тучковым). Приговорен к трем годам заключения в лагере. В начале декабря 1929 года был доставлен в пересыльную тюрьму в Ленинграде для дальнейшего этапирования на вечное поселение в город Алма-Ату. В дороге Владыка заразился сыпным тифом, от которого скончался в тюремной больнице утром 28 декабря 1929 года. Отпевавший его митрополит Серафим (Чичагов, священномученик) и сослужащее духовенство Москвы и Ленинграда были поражены его изможденностью и худобой почти до неузнаваемости. Погребен был Владыка на Новодевичьем кладбище Ленинграда.

Третьим Председательствующим Соловецкого собора был владыка Петр (Василий Константинович Зверев), ныне канонизированный. Он родился 18 февраля 1878 года в семье московского протоиерея. Учился два года на историко-филологическом факультете Московского Университета, потом перешел в Казанскую Духовную академию, где в 1900 году принял монашество. С 1910 по 1917 год был настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в городе Белове Тульской епархии. Архимандрит в феврале 1917 года стал настоятелем Владимирского епархиального дома в Москве. Через два года хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. В 1922-24 годах находился в ссылке в Средней Азии. В 1925 году митрополит Сергей назначил его на Воронежскую кафедру, отметив при этом, что направляет туда первого проповедника Московской Митрополии. С воронежским духовенством владыка Петр близок не был, но с прихожанами проводил целые дни и в храме, где служил, и дома, куда потоком шли люди. При нем в Воронежской епархии началось массовое возвращение обновленцев в Патриаршую Церковь. Это не устраивало власть, и арест последовал незамедлительно. В начале декабря 1926 года он был этапом отправлен сначала в Кемский лагерь, а весной 1927 года уже на Соловки.

До зимы 1928 года содержался со всеми епископами, а потом был перевезен на пустынный остров Анзер, жил там в бывшем Голгофском скиту, где и скончался от сердечного приступа и холода 2 февраля 1928 года.

Отпет и погребен духовенством лагеря. Но через несколько дней его могила, как и многие другие, была сровнена с землей.

Эти соловецкие мученики, руководя "Соловецким собором" с 1926 по 1929 год, не обладая никакими официальными полномочиями, влияли на церковную жизнь страны, реагируя своими посланиями (их было четыре) на всю ее противоречивость. Известно, что митрополит Сергей опирался в своей деятельности на авторитет "соловецких старцев".

В июне 1926 года Соловецкие епископы (17 человек) во главе с архиепископами Иларионом, Евгением, Пахомием (Кедровым), Ювеналием (Масловским) пишут "Памятную записку Соловецких епископов, представленную на усмотрение Правительства". Основная мысль этого документа - просьба о легализации без вмешательства во внутренние дела Церкви. Мироззренческого примирения быть не может, так как условием бытия и смысла существования Церкви является именно то, что категорически отрицает коммунистическая идеология.

А 10 июня 1926 года митрополит Сергей пишет проект Обращения к Советской власти, которое явилось приложением к его одновременному ходатайству НКВД о легализации церковных органов, в частности, о регистрации его в должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, о регистрации местных церковных

органов, о разрешении на созыв епископов и на издание "Вестника Московской Патриархии", об открытии духовных учебных заведений. Так же, как и соловчане, митрополит Сергей подчеркнул в Обращении, что не имеет смысла умалчивать о существующем противоречии между православными и большевиками, стоящими у власти. Обещая лояльность, отмечал митрополит, мы не можем наблюдать за политическими партиями наших единомышленников и применять церковные кары для отпущения. Об отношении к зарубежному духовенству митрополит написал следующее: "Здесь требуют выяснения наши отношения к русскому духовенству, ушедшему за границу и там образовавшему из себя некоторое филиальное отделение Русской Церкви. Не признавая себя гражданами Советского Союза и не считая себя обязанными по отношению к Советской власти никакими обязательствами, заграничные духовные лица иногда позволяют себе враждебные выступления против Союза, а ответственность за эти выступления падают на всю Русскую Церковь, в клире или иерархии которой они продолжают оставаться".

Выход, по мнению митрополита, был один: "выразить наш полный разрыв с таким политиканствующим духовенством...". А для этого нужно было "установить правило, что всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязательств перед Советским Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступать в ведение заграничных поместных православных Церквей, смотря по территории" [3].

Митрополит не только не грозил церковным судом, а предлагал уйти в другие юрисдикции Поместных Православных Церквей.

На таких условиях власть, естественно, регистрацию не разрешила, а за владыкой Сергием было установлено наблюдение.

12 сентября 1926 года митрополит совершает еще одно "противоправное" действие - обращается с письмом к зарубежным епископам. Оно пронизано братской искренностью и заботой о дальнейшей судьбе православных за границей. В конце письма Владыка подчеркивает, что Святейший действительно подал распоряжение о закрытии Заграничного Синода. Далее в письме звучит мысль о возможности создания такого центра, если бы существовало согласие между иерархами. А его нет, и митрополит пишет: "Если такого органа общепризнанного всею эмиграцией создать, по-видимому, нельзя, то уже лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская церковь устроить себе не может и поэтому всем Вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например, в Сербии - Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной Православной Церкви, которая вас приютила" [4]. Далее митрополит подчеркнул, что такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных распри, чем старание всех удержать и подчинить искусственно созданному центру, и что именно такая постанова более соответствует теперешнему положению Церкви в России. (Так же, как и в случае с обращениями Патриарха, зарубежные епископы не хотели понять, да и не понимают по сей день "теперешнее положение Церкви в России").

Расправа с митрополитом не заставила себя ждать. Он был арестован в ноябре 1926 года по обвинению в связях с эмиграцией и в подготовке проведения нелегальных выборов Патриарха. Инициатива избрания путем сбора подписей исходила с Соловков от архиепископа Илариона (Троицкого), кандидатом на Патриарший Престол он предложил митрополита Кирилла (Смирнова), срок ссылки которого истек в ближайшее время. Митрополит Сергей поддержал владыку Илариона. Практическим осуществлением выборов руководил архиепископ Рыльский Павлин (Крошечкин) со своими помощниками - иеромонахом Таврионом (Батозским) и мирянами Кувшиновыми, отцом и сыном. За короткое время они объездили места ссылок архиереев, собрав 72 подписи, не думая о том, что совершают дело подвижничества.

Вместе с митрополитом Сергием аресту и новым ссылкам подверглись и другие архиереи, готовившие избрание Патриарха. Временное управление Церковью взял на себя митрополит Петроградский Иосиф (Петровых), остававшийся по-прежнему в ссылке в Ростове Великом.

В распоряжении митрополита Петра он был назван третьим кандидатом в Заместители Местоблюстителя. Предвидя свой скорый арест, митрополит Иосиф указом от 8 декабря 1926 года назначил временных заместителей: архиепископов Свердловского Корнилия (Соболева), Астраханского Фаддея (Успенского) и Угличского Серафима (Самойловича). На свободе после ареста митрополита Иосифа оставался только архиепископ Серафим. Переживая усиливающийся государственный террор, в посланиях к епископам владыка Серафим просил сократить переписку с ним до минимума, предоставляя им решать на местах все дела, кроме принципиальных и общецерковных, чтобы уберечь тех, кто еще оставался на свободе.

Митрополит Сергей был освобожден спустя три с половиной месяца, в марте 1927 года. Этот его последний арест на долгие годы внес сомнения в умы православных. И по сей день бытует мнение о том, что именно тогда митрополит Сергей вступил на путь сотрудничества с ГПУ, что подтверждением этого соглашения явилась "нужная" власти "Декларация 1927 года". Свои выводы оппоненты по сей день подкрепляют аргументами такого свойства: срок ареста краткий, разрешено жить в Москве, а до ареста жить не мог, "Декларацию" не приняло 2/3 клира и т.д.

До своего ареста, третьего по счету, митрополит Сергей был одним из самых уважаемых епископов России. Самым естественным, казалось бы, путем для митрополита был путь отшельничества в какой-нибудь глуши, где можно было бы и не прекращать богословских трудов. Путь почетный и легкий. Но он выбрал другой - продолжение пути, начертанного святителем Тихоном, - сохранение Церкви в условиях тоталитарного государства. Он никогда и никого не боялся. И реакцию властей за сентябрьское письмо к зарубежным епископам он знал заранее, но шел на этот шаг в первую очередь ради самих "карловчан", давая им возможность ухода в другую юрисдикцию.

Митрополит Сергей дал согласие на тайные выборы Патриарха, зная ответную реакцию власти в случае провала, но надеялся, что можно будет провести их быстро, и Церковь вновь обретет своего Первосвятителя в такой трагический для нее период. Он не строил иллюзий, зная, что весь епископат находится под постоянной слежкой и личным контролем Е. Тучкова.

И владыка Сергей выбрал компромисс с властью, встав на путь мученичества через свое унижение и поправление ради спасения Церкви. Сбылись его пророческие слова, что истинный пастырь *"душу свою полагает за овцы,* отрывается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада", сказанные в далеком 1901 году.

VI отдел СО ОГПУ Тучкова за очень короткое время состряпал вторую редакцию "Декларации", обнародованную 29 июля 1927 года. До сегодняшнего дня оппоненты закрывают глаза на причину согласия митрополита Сергея ее подписать. В случае отказа Тучков обещал новую волну арестов и расправу над соловчанами. Совсем недавно из закрытых ранее документов стало известно, что осенью 1927 года митрополит Сергей предъявил ОГПУ список из 28 епископов для их амнистирования. Это было одним из условий подписания им Декларации 1927 года [5].

Всю тяжесть ответственности разделили с митрополитом Сергием его единомышленники - члены Временного Патриаршего Синода, тоже поставившие свои подписи под "Декларацией 1927 года": митрополит Тверской Серафим (Александров), архиепископ Вологодский Сильвестр (Братановский), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), архиепископ Вятский Павел (Борисовский), архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Сумской Константин (Дьяков) и епископ Сергей (Гришин).

Спустя годы Патриарх Алексей говорил: "Когда преосвященный Сергей принял на себя управление Церковью, он подошел эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности. Все мы, окружавшие его архиереи, были с ним согласны. Мы все Временным Синодом подписали с ним Декларацию 1927 года в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и ее паствой". Эти слова много позже записал А.Л. Казем-Бек, и они вошли в его рукопись "Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей".

"Декларация" потребовала от зарубежных епископов письменного обязательства в лояльности Советскому правительству; не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии.

Зарубежный Синод не принял позицию "Декларации", мотивируя это неканоничностью руководства Церковью митрополитом Сергием и превышением им своих полномочий. Из эмигрантских лидеров письменное обязательство в политической лояльности прислал лишь митрополит Евлогий (Георгиевский).

Поразила "Декларация" и русский епископат. Одни епископы сразу не приняли ее вынужденную позицию. Среди них были: митрополиты Кирилл (Смирнов), Иосиф (Петровых), архиепископы Угличский Серафим (Самойлович), Псковский Варлаам (Ряшенцев), епископы Вятский и Воткинский Виктор (Островидов), Гдовский Димитрий (Любимов) и другие.

8 февраля 1928 года архиепископ Угличский Серафим писал митрополиту Сергию: "Вы, так мудро и твердо державший знамя Православия в первый период своего заместительства, теперь свернули с прямого пути и пошли на дорогу компромиссов, противных Истине [...] Что же случилось? [...] Неужели Вы не найдете мужества сознаться в своей роковой ошибке - издании Вашей декларации 16/29 июля 1927 года?" [6].

Анализируя весь текст "Декларации", можно с уверенностью сказать, что основная часть ее написана самим митрополитом, а тучковская команда взяла на себя сочинительство первой и последней частей документа. Вот так, к примеру, звучит продолжение мысли митрополита о возможности мирной деятельности в рамках закона: "Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления наших зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас у всех на глазах" [7]. Как близок этот слог к газетным публикациям 30-х годов о "вредителях" и "врагах народа".

Или "тучковский" абзац о карловчанах: "Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколов заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы наложить (так - *О.В.*) этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому правительству во всей своей общественной деятельности". Концовка абзаца написана рукой митрополита и очень созвучна тексту первой редакции Послания от 1926 года:

"С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли им пересмотреть вопрос о своих отношениях к советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной" [8].

В "Декларации 1927 года", в отличие от первой редакции и "Памятной записки" соловецких епископов, отсутствовал критический элемент в оценке государственной политики по отношению к Церкви. Положение о церковном мировоззрении и большевистской идеологии также были Тучковым сняты.

Именно в этот период личность митрополита Сергия и его деятельность приобрели поистине трагическую окраску. Некогда блестящий ученый-богослов, любимый верующими пастырь все чаще в одиночку противостоял богоборческой власти, пытаясь сохранить паству и духовенство, оберегая многомиллионный православный народ от жестокого выбора между катакомбами и очередной схизмой. Что же касается реакции Местоблюстителя митрополита Петра, то он из ссылки на Обской губе передал о своем согласии с необходимостью появления "Декларации 1927 года" (о проекте 1926 года он ничего не знал), не принимая при этом большинство ее формулировок.

В конце 1927 года Временный Патриарший Синод под давлением власти начал увольнять на покой сосланных архиереев, начались перестановки на кафедрах. Это вызвало резкое недовольство у части духовенства. Группа архиереев во главе с митрополитом Иосифом (Петровых) пошла на отделение от митрополита Сергия. Отдалились также временный управляющий Воронежской епархией епископ Козловский Алексей (Буй) и управляющий Воткинской епархией епископ Глазовский Виктор (Островидов).

В декабре 1927 года митрополит Сергей оценивал эту ситуацию так: "Перемещение епископов - явление временное, обязанное своим происхождением в значительной мере тому обстоятельству, что отношения нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставались неясными. Согласен, что перемещение часто удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы, но, понимая чрезвычайность положения и усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного".

Что касается обвинения митрополита Сергия в устранении молений *за сущих в темницах*, то в ответе делегации Петроградской епархии он сказал: "Устранено не моление за сущих в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым о.о. (отцы) протодиаконы в угоду известным настроениям иногда злоупотребляли, превращая молитвенное возгласие в демонстрацию; ведь у нас литургия верных совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично и потому подлежит правилам о публичных собраниях" [9]. Сегодня трудно себе представить, какому уровню цинизма власти ему приходилось противостоять...

6 февраля 1928 года с письмом к владыке Сергию обратился митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский); кроме него поставили свои подписи архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), архиепископ Ростовский Евгений (Кобранов), митрополит Иосиф, бывший тогда в Ярославле, и архиепископ Варлаам (Ряшенцев). Архиереи осудили Заместителя Местоблюстителя за неоправданное перемещение епископов, часто вопреки желанию их и паствы, и заявили о своем отделении от него Владыка Сергей дважды писал митрополиту Агафангелу, умоляя его не делать этого, так как даже административный разрыв с ним равносителен расколу. Ответа не последовало. И только после предания Синодом митрополита Иосифа церковному суду с запрещением в священнослужении митрополит Ярославский Агафангел со своими викариями заявили, что не порывают молитвенного общения с Заместителем Местоблюстителя, раскол не учиняют, но отказываются выполнять те распоряжения митрополита Сергия, которые смущают их совесть. Постановлением от 30 мая 1928 года Синод признал это заявление удовлетворительным и снял запрет с епископа Евгения и архиепископа Варлаама.

Была еще одна группа архиереев, которые, не отвергая правомочности власти Заместителя Местоблюстителя, не принимали его позиции и также не поминали его имени, ограничиваясь только возношением имени Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра. Такую позицию заняли и митрополит Кирилл (Смирнов), и архиепископ Феодор (Поздеевский), и епископы Арсений (Жадановский), Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров), Григорий (Лебедев).

Отделившихся и непоминающих не устраивала "Декларация 1927 года", далеко заведшие компромиссы с властью, хотя большинство из них считало необходимым добиваться нормализации отношений Церкви и власти.

Была еще многочисленная группа архиереев, потерявшая в тяжелых условиях чувство духовного равновесия, не считавшая особенно важным сохранять церковные структуры, готовая уйти в катакомбы.

Встав на мученический путь унижения и страданий, митрополит Сергей желал одного: сохранить многомиллионную православную паству. И помощь ему в этом оказали такие выдающиеся церковные деятели, как митрополиты Михаил (Ермаков), Никандр (Феноменов), Серафим (Чичагов), архиепископы Евгений (Зернов), Петр (Зверев), епископы Николай (Ярушевич), Венедикт (Плотников). А архиепископ Иларион (Троицкий) написал с Соловков осуждающее письмо тем, кто отделился от митрополита Сергея, упрекая их в расколе.

Но несмотря на этот ряд позитивных моментов, церковные настроения в конце 20-х годов приобретали все более тревожный характер. А впереди Церковь ждали новые репрессии и страдания, связанные в первую очередь со знаменитым сталинским тезисом о том, что по мере продвижения к социализму усиливается классовая борьба. Власть готовилась к окончательному физическому уничтожению Церкви...

1929 год стал переломным в истории России - страна становилась тоталитарным государством; роковым он стал и в отношениях Церкви с властью.

9 июня 1929 года II съезд Союза безбожников объявил о наступлении на религию. Тогда же в июне на Антирелигиозном совещании при ЦК ВКП(б) было заявлено о беспощадной борьбе с Церковью.

В мае 1929 года на XIV Всероссийском съезде Советов были внесены серьезные поправки в Конституцию РСФСР, ограничивающие права верующих и проведение связанной с ними религиозной работы. Если в прежней редакции статья 4 формулировалась как: "Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами", то в редакции 1929 года было записано следующее: "Свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами" (из статьи было изъято положения о свободе религиозной пропаганды) [10].

Постановлением ВЦИК СССР "О религиозных объединениях" от 8 апреля 1929 года и октябрьской (1929 года) инструкцией НКВД регламентировалась религиозная жизнь в стране. Вновь отрицались все права Церкви как юридического лица. Нововведением стала обязательная регистрация религиозных объединений и их членов, а местные органы власти могли отказывать в регистрации и тем, и другим без каких-либо объяснений. Церковная жизнь ограничивалась только богослужением в стенах храма. Запрещалось без разрешения власти проводить собрания верующих, назначать или избирать руководителей общин, пользоваться услугами государственных предприятий, типографий, организовано обучать детей религии, заниматься всеми видами благотворительности. Ввиду отсутствия у Церкви прав юридического лица договоры о ремонте церковных зданий могли заключаться только индивидуально с членами приходов, которые подпадали под статью о частном предпринимательстве, что влекло за собой резкое повышение налогообложения. Духовенство и клирики, лишённые избирательных прав или ограниченные в отдельных политических и гражданских правах, платили в советскую казну с 1930 года 75% с "нетрудовых доходов" к коим была причислена плата за отправление культа. Священников выселяли из квартир как "лишенцев". Еще с 1928 года по той же причине для них была установлена непомерно высокая квартплата, она оставалась такой до 1943 года включительно.

Развернулась широкая кампания за вступление граждан в ряды "Союза воинствующих безбожников", руководимого Е.М. Ярославским и насчитывающего в начале 30-х годов 96 тысяч первичных ячеек на местах. Эта видимая активная работа, нанесшая огромный моральный урон, не имела реальных высоких результатов, так как народ в большинстве своем оставался верующим, и кризис "Союза безбожников" станет очевиден в середине 30-х годов. Но и комсомол, и юные пионеры, и "воинствующие безбожники" - видимая часть антирелигиозной борьбы. О другой, тайной, разрабатываемой в недрах Политбюро и осуществляемой руками НКВД, знали единицы. И самым удачливым и неутомимым бойцом-исполнителем на "церковном фронте" был Евгений Александрович Тучков, о деяниях которого написано уже немало...

Долгие годы о нем бытовали различные мнения. Одни считали, что под его фамилией скрывается группа лиц, другие принимали его фамилию за псевдоним.

Он никогда не был ни первым, ни вторым, ни третьим лицом во Всероссийской ЧК, но тем не менее в многочисленных чекистских сценариях ему отводились ведущие партии.

Ни одна операция с его участием не провалилась, при этом акции могли проходить в различных регионах страны почти одновременно.

Начальник одного из отделений Секретно-политического отдела ОГПУ, он был рожден для антирелигиозных дел, участвовал в гонениях не только на Русскую Православную Церковь, но и на Католическую Церковь и на "Союз

христианской молодежи", лидер которого И. Проханов после свидания с Тучковым в следственном изоляторе ОГПУ начал призывать братьев-баптистов не отказываться от воинской службы под ружьем.

Его хватало на все и на всех. Обнаружены документы о причастности Тучкова к акции снятия и переплавки на пятаки российских колоколов. Именно ему принадлежит термин "Истинно-православная церковь", который сначала войдет во все дела непоминающих, а затем станет историческим понятием.

Очевиден его тесный контакт с "воинствующими безбожниками" Ярославским и Скворцовым-Степановым, подтверждены официальные связи со Смидовичем и другими государственно-партийными лидерами.

Ситуация в Советской России в конце 20-х - начале 30-х годов беспокоила мировую общественность. В Европе и Америке все громче раздавались протесты против гонения на Церковь в СССР. Второго февраля 1930 года папа Пий XI обратился к верующим мира с призывом молиться о спасении Русской Церкви. Это нарушило внешнеполитические планы СССР, который готовился вступить в Лигу Наций. Срочно потребовалось опровержение того, о чем писала зарубежная печать. Практическое осуществление этого мероприятия вновь было поручено Е. Тучкову. Он предложил митрополиту Сергию выступить на пресс-конференции перед журналистами с опровержением мирового общественного мнения о гонении на Церковь в СССР. В ответ Заместитель Местоблюстителя выдвинул свои условия участия в фарсе: власть принимает требования митрополита Сергия о значительном облегчении существования духовенства и клира в безбожной России. В силу значимости и малой известности этого документа, приводим его полностью: 19 Февраля 1930 года. Копия

№ 525 ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА О НУЖДАХ ПРАВОСЛАВНОЙ ПАТРИАРШЕЙ ЦЕРКВИ В СССР для тов. СМИДОВИЧА П.Е. [11].

1. Страховое обложение церквей, особенно в с/местностях, иногда достигает таких размеров, что лишает общину возможности пользоваться церковным зданием. Необходимо снизить как оценку церковных зданий (относительно не приравнивая ее к зданиям доходным), так и самый тариф страхового обложения.

2. Сбор авторского гонорара в пользу Драмсоюза необходимо поставить в строго законные рамки, т.е. чтобы сбор производился только за исполнение в церкви тех музыкальных произведений, которые национализированы или же по авторскому праву принадлежат какому-либо лицу, а не вообще за пение в церкви чего бы то ни было, в частности, при богослужении:

чтобы исполнение служителями культа своих богослужебных обязанностей не рассматривалось как исполнение артистами музыкальных произведений, и потому церкви не привлекались бы к уплате 5-ти % сбора со всего дохода, получаемого духовенством, т.е. и дохода от треб, совершаемых даже вне храма.

3. Необходимо прекратить взимание сбора за страхование певчих, отмененного в июне 1929 года и взимаемого с церквей за пропущенные годы (иногда с 1922 года) по день отмены, причем вместе с пеней сбор иногда достигает очень значительных сумм (напр. 4.000 руб. с лишком).

4. Необходимо отменить обложение церквей различными с/х и др. продуктами (напр., зерновыми или печеным хлебом, шерстью и т.п.), а также специально хозяйственными сборами, напр., на тракторизацию, индустриализацию, на покупку облигаций, госзаймов и т.п. - в принудительном порядке.

За неимением у церквей хозяйства, налог, естественно, падает на членов религиозной общины, является, таким образом, как бы особым налогом за веру, сверх других налогов, уплачиваемых верующими наравне с прочими гражданами.

5. Необходимо распоряжение НКФ от 5-го января с.г. за №195 о неналожении штрафов, ареста и пр. на имущество членов общины и прих. советов за неуплату налогов на церковь распространить и на страховой налог, авторский и пр.

6. Необходимо разъяснить, чтобы члены прихода, церковные старосты и сторожа и др. лица, обслуживающие местный храм, не приравнивались за это к кулакам и не облагались усиленными налогами.

7. Необходимо разъяснить, чтобы представители прокуратуры на местах в случае обращения к ним православных общин или духовенства с жалобами не отказывали им в защите их законных прав при нарушении их местными органами власти или какими-либо организациями.

8. Необходимо признать за правило, чтобы при закрытии церквей решающим считалось не желание неверующей части населения, а наличие верующих, желающих и могущих пользоваться данным зданием, чтобы православный

храм по ликвидации одной общины мог быть передан только православной же общине, если в наличии есть достаточное количество желающих образовать такую общину, и чтобы по упразднении храма (от каких [бы] причин оно ни зависело) членам православной общины предоставлено было право приглашать своего священника для исполнения всех их семейных треб у себя на дому.

9. Необходимо сделать разъяснения касательно вступления в силу постановления СНК от 8-го апреля 1929 года о религиозных объединениях, а равно и относящейся к этому постановлению инструкции (от 1-го октября 1929 года) и дополнительных распоряжений, так как иногда местные власти не принимают от общины заявлений о регистрации и даже запрещают делать какие-либо подготовительные шаги к регистрации (между тем, как в законе ясно указан предельный срок - 1-ое мая 1930 года, до истечения которого обязаны зарегистрироваться все общины, желающие продолжать свое существование).

10. ПОЖЕЛАНИЯ ДУХОВЕНСТВА: чтобы служители культа, как не пользующиеся при извлечении дохода наемным трудом, приравнены были по-прежнему к лицам свободных профессий, а не к трудовому элементу, тем более, не к кулакам.

11. Чтобы при обложении доходов [сумма] не назначалась произвольно, иногда вне всяких возможностей (напр., в Ижевске, на Епископа Синезия (Зарубина) наложено 10.300 р. и потом еще 7.000 р. с сотнями в качестве аванса на будущий год) и чтобы обложение приравнено было к лицам свободных профессий.

12. Чтобы в отношении служителей культа, как элементу не кулацкому, дана была сельским властям ясная инструкция, устанавливающая некоторые границы касательно сроков и размеров местных налогов в порядке самообложения.

13. Чтобы служители культа, не занимающиеся сельским хозяйством, скотоводством, охотой и т.п. не облагались продуктами упомянутых занятий (зерновым или печеным хлебом, шерстью, маслом, дичью и т.п.), причем иногда в экстренном порядке ("в 24 часа").

14. Чтобы при описи имущества за неуплату налогов оставлялся законный минимум обстановки, одежды, обуви и пр.

15. Чтобы при назначении трудовой повинности принимался во внимание как сообразный со здравым разумом размер налагаемой повинности (напр., на священника села Люк Вотской области наложено срубить, распилить и расколоть 200 кубов дров), так и возраст и состояние здоровья подвергаемых повинности.

16. Чтобы служители культа не лишались права иметь квартиру в пределах своего прихода и около храма в сельских местностях, хотя бы и в селениях, перешедших на колхоз, и чтобы лица, предоставляющие служителям культа такую квартиру, не облагались за это налогами в усиленной степени.

17. Чтобы детям духовенства разрешено было учиться в школах 1 и 2 ступени и чтобы те из них, кто с осени 1929 года уже были зачислены в состав студентов ВУЗа, не изгонялись за одно свое происхождение, а изгнанным предоставлено было право закончить свое образование.

18. Желательно, чтобы певчие - любители, профессионалы, состоящие в союзе РАБИС и др. профессиональных союзах и для постороннего заработка участвующие в церковных хорах, за это участие не исключались из РАБИС и других союзов.

19. Летом 1929 года возбуждалось ходатайство об открытии в Ленинграде Высших Богословских курсов Православной Патриаршей церкви. Весьма желательно получить удовлетворение этого ходатайства, хотя бы в целях уравнивания нашего церковного течения с обновленчеством, у которого есть академии.

20. Давно чувствуется потребность иметь в Патриархии какое-нибудь периодическое издание, хотя бы в виде ежемесячного бюллетеня для печатания распоряжений, постановлений посланий и пр. Центральной Церковной власти, имеющее общественный интерес.

21. Ввиду газетных статей о необходимости пересмотра Конституции СССР в смысле совершенного запрещения религиозной пропаганды и дальнейших ограничений церковной деятельности, ПРОСИМ защиты и сохранения за Православной Церковью тех прав, какие предоставлены ей действующими законоположениями СССР.

Подлинник подписан: Иван Николаевич Страгородский, Митрополит Нижегородский Сергей, Зам. Патриаршего Местоблюстителя [12].

Адресат - П.Г. Смидович был выбран не случайно. Его деятельность до сегодняшнего дня окутана дымкой тайны и догадок. На антирелигиозном поле большой игры он был фигурой далеко не последней. Е. Тучков обещал митрополиту передать "Записку" сразу же после конференции для зарубежных корреспондентов, которая состоялась 19 февраля 1930 года (для отечественных она устраивалась 15 числа).

На конференции присутствовали члены Патриаршего Синода. На вопрос о гонениях последовал ответ, что их не было и нет: "в силу Декрета об отделении Церкви от государства исповедание любой веры вполне свободно и никаким государственным органом не преследуется" [13].

На вопрос о репрессиях за религиозные убеждения последовал ответ: "Репрессии, осуществляемые Советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за различные противоправительственные деяния" [14]. Митрополит Сергей был абсолютно прав. Статьи подводились самые разные: от неуплаты налогов до контрреволюционных организаций, но нигде не проходили "религиозные убеждения". Думается, что оппоненты об этом знают.

На вопрос о свободе религиозной пропаганды митрополит ответил: "Священнослужителям не запрещается отправление религиозных служб и произнесение проповедей (только, к сожалению, мы сами подчас не особенно участвуем в этом)" [15]. Как уже говорилось выше, драконовское Постановление 1929 года ограничило церковную жизнь только богослужением в стенах храма. На вопрос жесткости власти по отношению к отдельным священнослужителям митрополит ответил, что это - вымысел, клевета, и добавил далее: "К ответственности привлекаются отдельные священнослужители не за религиозную деятельность, а по обвинению в тех или иных антиправительственных деяниях".

На вопрос о том, пользуется ли какое-либо религиозное течение привилегиями со стороны власти, митрополит Сергей сказал: "По советскому законодательству все религиозные организации пользуются одинаковыми правами" (гонениям с 1929 года подвергались все конфессии, о чем митрополит и сказал. Весь мир знал, что стоят права в СССР). На вопрос об отношении к обращению папы Римского прозвучал ответ: "Считаем необходимым указать, что нас крайне удивляет недавнее обращение папы Римского против Сов. власти. Мы считаем излишним и ненужным это выступление папы Римского, в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся" [16].

Да, упрекать митрополита Сергия в таких ответах можно долго. Но следует и глубже вдуматься в них. Он говорил скупой и сжато, постоянно подчеркивая существование Церкви в жестких рамках Декрета 1918 года и Постановления 1929 года. О "Памятной записке" от 19 февраля 1930 года, которая приведена выше, широкому читателю известно мало, а в те годы она относилась к разряду строго секретной документации. В этих 21 пункте митрополит Сергей изложил все нарушения имеющегося законодательства о культах.

Страховое обложение церковей достигало таких размеров, что лишало общину возможности пользоваться церковным зданием. Церковные старосты, сторожа и другие лица, обслуживающие храмы, приравнивались властью к кулакам и подвергались усиленному налогообложению. Местные власти не рассматривали жалобы общин, прокуратура отказывала мирянам и священникам в защите их законных прав.

Закрытие храмов повсеместно по стране проходило по желанию неверующей части населения, верующие же всячески ущемлялись в правах, не имея даже права приглашать своего священника для исполнения треб на дому.

Основную часть "Записки" Заместитель Местоблюстителя посвятил положению духовенства в Советском Союзе.

Приравненное к "нетрудовым элементам" (кулакам) духовенство (особенно сельское) подпадало под главный удар классовой борьбы в деревне. Митрополит просит власть вернуть священство, как это было раньше, к "лицам свободных профессий". Политика налогообложения в отношении священства была произвольной. Кроме денежных выплат, духовенство платило продовольственный налог зерном, мясом; платили и те, кто не занимался сельским хозяйством.

С 1929 года власть повела наступление и на детей духовенства, они исключались из институтов и могли получить теперь только начальное образование. Митрополит просит власть дать детям учиться и не делать их изгоями только за одно их происхождение.

Последние просьбы Владыки относились к вопросам духовного просвещения (открытие богословских курсов) и издательской деятельности (печатный ежемесячный бюллетень для распоряжений, посланий и постановлений). Из всех просьб власть удовлетворила одну: начал выходить, хотя и нерегулярно, "Журнал Московской Патриархии", но вскоре был закрыт.

Трудно сказать, на что надеялся Владыка, передавая свое послание через Тучкова Смидовичу. Верил ли в успех? Или знал, что с пути, им выбранного, сойти не удастся? Но он будет использовать любую возможность, по своему мученическому пути идя через сильнейшие унижения, чтобы сохранить ядро Церкви.

Реакция части духовенства в России и за границей на выступление митрополита на конференции была отрицательной. В защиту Заместителя Патриаршего Местоблюстителя выступил митрополит Евлогий (Георгиевский), подчеркнув, что, если бы позиция митрополита Сергия оказалась церковно преступной, то все верующие услышали бы голос Местоблюстителя Петра из заключения. Митрополит Петр многое из деятельности владыки Сергия воспринимал критически, не одобряя учреждения Временного Патриаршего Синода, перемещения с кафедр и запрещение в служении иерархов, несогласных с церковной политикой Заместителя Местоблюстителя. Но назад дороги не было...

Возникает вопрос: почему митрополит Сергей и дальше продолжал идти по предначертанному пути, видя, что долгожданного облегчения для Церкви и духовенства не наступает.

Один из ответов дал Н. Бердяев в своей статье "Вопль Русской Церкви", оценивая позицию митрополита: "Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но там, в России, есть еще другой героизм, другая жертвенность, которые люди не так легко оценивают. Патриарх Тихон, митрополит Сергей - не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Ее принес Патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергей. Некогда эту жертву принес святой Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду.

Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву" [17].

Примечания

1. *Епископ Сергий (Страгородский)*. Слова и речи. СПб., 1905. С.3-4.
2. См. о нем в статье: *Васильева О.* Дело архиепископа Варфоломея, или "человек-загадка" против Русской Православной Церкви // *Альфа и Омега*. 2000. №4(26). - Ред.
3. *Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы.* М., 1996. С.221.
4. *Васильева О.Ю.* Жребий митрополита Сергия // Ежегодная богословская конференция. М., 1997. С.180.
5. ГАРФ. Ф.8409. Оп.1. Д.280. Л.13. (*Милова О.Л.* Новые страницы в "Книге памяти" пострадавшим за веру в СССР в 1920-1930 годы // *Церковь в истории России*. Вып.5. М., 2002).
6. *Троицкий С.В.* О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960. С.25.
7. ГАРФ. Ф.1235. Оп.2. Д.1206. Л.1.
8. Там же.
9. ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.73. Л.216.
10. Правда. 1929. 10 июня.
11. Инициал отчества адресата *Е.* (вместо *Г., Гермогенович*) обусловлен формой имени *Ермоген.* - Ред.
12. ГАРФ. Ф.6343. Оп.1. Д.263. Л.67-68.
13. Там же. Л.57.
14. Там же. Л.58.
15. Там же.
16. Там же. Л.57-58.
17. Цит. по: *Архимандрит Феодосий (Алмазов)*. Мои воспоминания. М., 1997. С.252.